

ЕЛЕНА
КОСТЕЦКАЯ

АДВОКАТ ВАМПИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К72

Елена Костецкая
АДВОКАТ ВАМПИРА

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете Юлии Мироновой
Иллюстрация на форзаце Эльвиры Поздняковой

Дизайн переплета Александра Шпакова

Костецкая, Елена.

К72 Адвокат вампира / Елена Костецкая. — Москва :
Издательство ACT, 2026. — 480 с. — (Nova Fiction. Русское
городское фэнтези).

ISBN 978-5-17-181137-2

В туманном Лондоне, где высший свет трепещет перед загадоч-
ным красавцем-вампиром, а по ночным улицам рыщет неуло-
вимый убийца, разворачивается захватывающее расследова-
ние! Опытный адвокат берётся защищать древнего кровопийцу
и оказывается втянут в паутину интриг. Здесь переплетаются
судьбы легендарного Призрака Оперы, неустранимого Ван
Хельсингта, прекрасной Ирен Адлер и самого графа Дракулы.
Роскошные балы, тайные общества, смертельные загадки, кро-
вавые убийства... Сможет ли адвокат спасти своего клиента или
сам станет жертвой вечных кровавых игр? Добро пожаловать
в мир, где правда опаснее лжи, а правосудие балансирует на гра-
ни между человеческим законом и законами ночи!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-17-181137-2

© Костецкая Е., 2026
© ООО «Издательство ACT»,
оформление, 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ГОСТЬ
ИЗ ТРАНСИЛЬВАНИИ

Глава 1. Странное существо

Временами казалось, что солнце в Лондоне не светит никогда. Днем оно скрывалось то за мрачно-свинцовыми тучами, то за плотной пеленой тумана, и луна отражалась в хлюпающихся под колесами лужах гораздо чаще дневного светила. С закатом жизнь в этой части города замирала. Местные жители предпочитали уют и безопасность за надежно запертыми дверями, не торопясь открывать на стук: джентльмену вряд ли придет в голову нанести неожиданный визит в поздний час.

Полнолуние миновало три дня назад, но бледно-желтый диск еще оставался достаточно большим и ярким, чтобы освещать блестящие после недавнего дождя камни мостовой. По темному небу пробегали облака, то и дело закрывая луну и погружая улицу в кромешный мрак, неохотно отступавший от света фонарей. Даже самому отважному человеку, случись ему оказаться на этой улице в такое время, стало бы неуютно.

Кэб свернул за угол, проехал немного и остановился, выпуская единственного пассажира. Деньги перешли из рук в руки, короткий обмен фразами — и возница тронул поводья.

Пассажир, светловолосый молодой человек, проводил взглядом удаляющийся экипаж, натянул перчатки и, подняв воротник пальто, быстро зашагал вдоль улицы по направлению к одиночному дому.

Вблизи дом выглядел респектабельно, и в нем ощущался даже своеобразный шарм. Который час? Пришлось расстегивать пальто и лезть в карман жилета за часами, но не успел молодой человек рассмотреть, куда указывают стрелки, как за его спиной послышались шаги. Чиркнула спичка, пламя, коротко зашипев, разогнало темноту и отразилось в круглых стеклянках очков.

— Профессор? Кажется, я заставил вас ждать? — виновато произнес молодой человек.

— Всего пять минут, — успокоил его тот, кого он назвал профессором. Это был мужчина неопределенного возраста: возможно, старше пятидесяти, но явно моложе шестидесяти, крепко сложенный и энергичный, в длинном пальто и широкополой шляпе, такой полезной в последние дни, когда мелкие дожди взяли город в осаду. Протянув руку, он уже коснулся дверного молотка и замер. — Вы не слышите ничего странного, Джонатан?

Молодой человек по имени Джонатан склонил голову, прислушиваясь. Он понял, что имел в виду профессор: его слуха тоже коснулся далекий претяжный вой.

— Бродячий пес?

— Нет, это не пес.

— Тогда волк. Опять сбежал из зоологического сада, — вздохнул молодой человек и постучал в дверь.

Им открыли почти мгновенно. Стоявший на пороге пожилой джентльмен окинул гостей пытливым взглядом.

— Доброй ночи, мистер Перкинс. — Профессор снял шляпу и слегка поклонился. — Я профессор Абрахам Ван Хельсинг, а это мой помощник, мистер Джонатан Харкер.

— Доброй ночи, господа! — сказал хозяин. — Входите же скорее!

В доме было тепло. Передав прислуге верхнюю одежду, гости проследовали за хозяином в уютную залу, освещенную пламенем камина и единственным газовым рожком.

— Хересу? Или, — мистер Перкинс сделал паузу, — бренди?

Профессор Ван Хельсинг и Джонатан переглянулись, и молодой человек решительно покачал головой.

— С вашего разрешения, мы хотели бы сначала побеседовать о деле.

...Беседа заняла почти час. Но вот договоренности достигнуты, скреплены подписями и рукопожатиями, и бутылка отличного бренди на каминной полке дождалась наконец своего часа.

— Я подготовлю все необходимые бумаги завтра к полудню, — сказал Джонатан на прощание и протянул мистеру Перкинсу визитную карточку: «Хельсинг и Харкер. Юридические консультации широкого профиля».

— Буду ждать вас к обеду, — сказал хозяин и пожелал всех благ.

Говорят, в Лондоне погода меняется по десять раз на дню, но чередует лишь оттенки мерзостно-

сти. За то время, что они провели у мистера Перкинса, стало ощутимо холоднее, а сырость превратилась в настоящую пытку. Профессор и его молодой помощник поспешили к стоянке кэбов, ибо сама мысль о том, чтобы идти до дома пешком, наводила ужас.

— Скучное дело, — буркнул профессор Ван Хельсинг на ходу.

— Раньше мне гораздо чаще доводилось выполнять куда менее вдохновляющие задания, — возразил Джонатан. — А здесь всего несколько часов работы за неплохое вознаграждение, еще немногого — и можно будет снять отдельное помещение под контору.

— Меня вполне устраивает прием клиентов дома, — поморщился Ван Хельсинг.

— Зато это не устраивает миссис Тёрнер, — напомнил помощник. — Не так давно она намекнула, что еще парочка визитов господ, подобных мистеру Эдвардсу, и нас попросят съехать.

Ван Хельсинг не ответил.

Ждать пришлось недолго, уже через минуту до них донесся стук копыт, и из-за угла появился столь желанный двухместный хэнсомовский кэб, запряженный бодро переступающим серым мерином.

— Эй, господа, не найдется ли у вас пары шиллингов для ветерана Трансваальской кампании? — услышали компаньоны скрипучий голос. Его обладатель был явно не в ладах с английским, да и собственным языком ворочал не слишком уверенно.

Но прежде чем они ответили — отказом ли, сочувствием ли, — снова выглянувшая из-за облака

луна осветила просителя: почти полностью скрывающую лицо буйную растительность, заостренные уши, горящие глаза с вертикальными зрачками и грубые желтые когти на корявых, будто изломанных болезнью пальцах. Монстр ухмыльнулся, наслаждаясь произведенным впечатлением, и прыгнул.

Когти прошили пальто, распарывая толстую ткань как легкую кисею, сталкивая жертву на землю и на волосок не дотянувшись до живой плоти, — чудом Джонатану Харкеру удалось уклониться. Раздался выстрел, и нападавшего отбросило назад.

— Джонатан, вы целы? — Ван Хельсинг опустился на колено рядом, не сводя с твари дымящегося револьвера. Скрючившаяся фигура тихо зарычала, подобралась и снова прыгнула. Профессор выстрелил второй раз, но неимоверным образом чудовище уже в воздухе изменило направление прыжка, и пуля, едва задев его, чиркнула о каменную стену. Приземлившись на все четыре лапы, монстр ловко перекатился через плечо, поднялся на ноги, рыча. Одетая в старый, потрепанный костюм неразличимого уже цвета, эта тварь выглядела омерзительной помесью зверя и человека, насмешкой природы. Мгновение полузверь смотрел на них, а потом, резко повернувшись, бросился прочь.

— За ним! — азартно приказал Ван Хельсинг.

Все случилось в считаные мгновения, кэбмен не успел ни испугаться, ни выругаться, ни в спешке уехать. Двое поздних пассажиров на ходу вскочили в его экипаж, младший сунул

ему в руку соверен, старший указал в направлении быстро удаляющейся тени. Не задавая вопросов, возница хлестнул вожжами, и кэб сорвался с места.

Монстр петлял, как огромный уродливый заяц, преследуемый гончими. Несколько раз он подпрыгивал, пытаясь уцепиться за карниз, но все время срывался, рыча от боли и негодования, — пуля не слишком навредила твари, не задела жизненно важных органов, но все же ослабила.

Кэб несся следом, насколько позволяли его ма-невренность и лошадиная прыть. Расстояние сокращалось. Казалось, еще немного — и преследователи настигнут свою цель. Ван Хельсинг щелкнул барабаном револьвера и довольно усмехнулся.

Выстрел оставил выбоину в камне там, где всего секунду назад была голова чудовища, следующий заставил зверя с визгом поджать лапу. Но затем, собрав все силы, сжавшись в комок, зверь прыгнул с места вверх и все же ухватился передними лапами за край стены. Отчаянно извиваясь всем телом, скрежеща по камню, почти падая и чудом преодолевая дюймы, он вскарабкался и тяжело перевалился через край.

Кэб затормозил, выпуская пассажиров. Джонатан Харкер подбежал к стене, задрал голову — ему на миг привиделись два пылающих злой огня в цельном сгустке мрака — и сжал зубы. Ван Хельсинг опустился на корточки и достал спички. На грязной мостовой растекались капли густой алой крови, и он аккуратно промокнул лужу платком, сложил тряпичку и спрятал обратно в карман.

— Вы уверены, что он вас не ранил, Джонатан? — спросил Ван Хельсинг. — Зубы этой твари могут быть не менее опасны, чем укусы носфера-ту.

— Нет, я цел, — ответил помощник. — Это человек или зверь?

— И то и другое. Зверь, обладающий разумом и жестокостью человека, или человек с силой и кровожадностью зверя. Выбирайте, что вам больше по душе.

Джонатан провел рукой по изорванному пальто, и его запоздало передернуло.

— Обычно они не появляются в городе, — продолжил профессор. — Их вотчина — леса и пустоши. Разве что... кто-то его сюда привез. Приручил.

— Приручил? — Харкер поморщился. — Этот... это существо в качестве домашнего питомца — крайне эксцентричный выбор, вы не находите?

— Возвращаемся домой, — скомандовал Ван Хельсинг. — И знаете, друг мой, у меня дурное предчувствие...

Словно в подтверждение его слов, где-то вдали вновь раздался вой, в котором звериная боль соединялась с человеческой ненавистью.

Глава 2. Неожиданные встречи

Прием был в самом разгаре, а кареты все прибывали и прибывали. Лакеи в горячке метались между гостями, шампанское томилось в ведерках со льдом, гул голосов отражался от зеркал, зрительно увеличивавших и без того огромный зал, и поднимался к высоким потолкам с позолоченной лепниной. Дамы сверкали бриллиантами, как райские птички, кавалеры в своих черных фраках и белых манишках напоминали пингвинов. По крайней мере, именно пингвины пришли на ум Ирен Адлер, когда она, подхватив с проплывавшего мимо подноса бокал, прокладывала себе дорогу к небольшой группе, окружившей леди Аскот, хозяйку вечера.

Леди Аскот, урожденной Мари Дюваль, в этом году исполнилось двадцать восемь. Злые языки утверждали, что полковник Аскот женился на девушке не из своего круга по причине прогрессирующего склероза (полковнику перевалило за семьдесят), что она годится в дочери его младшему сыну, и «помяните мое слово, душечка, она уморит старика через месяц». Прошло пять лет, и стараниями леди Аскот и благодаря состоянию ее мужа приемы в их доме стали украшением лондонского высшего

общества. Получив приглашение, не явиться в назначенный день и час можно было только по причине собственной безвременной кончины, все остальные отговорки в расчет не шли.

Ирен принимали в доме леди Аскот. И сразу по прибытии в Лондон она нанесла визит в особняк на Парк-лейн — возобновить знакомство и послушать сплетни о том, какие ветра нынче дуют в свете.

Покидая Англию немногим более года назад, Ирен Адлер не задумывалась о возможном возвращении. Она позволила эмоциям взять верх над разумом и купила в агентстве Ллойда билет в один конец до Нью-Йорка. Из Соединенных Штатов Америки она сперва собиралась уехать в Канаду, но передумала и вернулась в Европу. Сентябрь застал ее на Лазурном берегу Франции, октябрь она провела на озере Комо, а наступление ноября встретила в Вене. Именно в партере Венской Оперы, наведя бинокль на оркестр — действие на сцене навевало скуку, — она поняла, что пора в Лондон. Незаметно для нее время залечило душевные раны, а может, не время тому было причиной, а ее собственный легкий нрав. Вдруг ей отчаянно захотелось встретить Рождество в Англии, и чтобы непременно нарядить елку до потолка, и за окном чтобы шел снег, впрочем, кого она обманывает, снег в Лондоне на Рождество — такая же диковинка, как экспонаты Кунсткамеры в Санкт-Петербурге.

Оставив позади почти всех «пингвинов», Ирен задержалась на несколько секунд, чтобы ответить на приветствие какой-то пары — он с напомаженными редкими волосами и она в вульгарном

оранжевом платье. Их фамилия вертелась в голове, но так и не вспомнилась, впрочем, на ослепительности улыбки временная потеря памяти никак не отразилась. Запив шампанским эту встречу, Ирен посмотрела по сторонам, ища, куда пристроить пустой бокал, и поймала чужой взгляд.

Юноша, почти мальчик, стоял у стены, заложив руки за спину и чуть выставив вперед ногу. Гладко зачесанные назад волосы в газовом свете люстр отливали золотом, яркие цвета наряда — в отличие от большинства гостей, он был не во фраке, а в чем-то пышном, иностранно-экзотичном — подчеркивали восковую бледность лица, на котором выделялись полные чувственные губы, алые настолько, что вряд ли такой цвет имел естественное происхождение. Юный гость леди Аскот, откинув назад голову, откровенно рассматривал Ирен, и это было почти неприлично.

— Мисс Адлер! — окликнула ее хозяйка бала и поманила веером. — Как я рада, моя дорогая, что вы пришли!

Леди Аскот занимала выгодную позицию: поднявшись на несколько ступенек по лестнице, она оказалась примерно на дюйм выше Ирен. Последовал положенный обмен любезностями. Как и многие другие, чье высокое положение было получено не по рождению, леди Аскот очень боялась выглядеть смешно или неприлично. Она строго следила за модой — на платья и театральные пьесы, на мужчин и поездки за границу, — добившись безупречности не наличием вкуса, но упорным трудом. К Ирен леди Аскот испытывала двоякие чувства. С одной стороны, она восхищалась, с ка-

ким безразличием мисс Адлер относилась ко всему модному, руководствуясь только собственным мнением и вкусом. С другой — ее раздражала та легкость, с которой Ирен вписывалась в любое общество, — дар, недоступный леди Аскот. Отношение к ней самой Ирен было сродни любованию породистой кошечкой: можно погладить и посплешить, как мурлыкают несколько сотен фунтов, но для ловли мышей такие существа абсолютно непригодны.

За пять минут леди Аскот рассказала почти обо всех гостях, заслуживающих более или менее пристального внимания. В их число попали лорд Дарнем, недавно вернувшийся из Египта, французский посланник, по слухам, недурно сочиняющий стихи, а также новинка сезона — прибывший откуда-то из Австро-Венгрии аристократ с труднопроизносимой фамилией.

Удачно уклонившись от знакомства с французом, Ирен все-таки была вынуждена улыбаться английскому египтологу. Когда тот заявил, что заочно уже знаком с мисс Адлер, та весьма удивилась, но потом с помощью наводящих вопросов узнала, что он женат на даме, с которой Ирен была дружна одно время. Заручившись согласием «драгоценной мисс Адлер» на посещение будущей выставки в Британском музее, лорд Дарнем откланялся и с исключительной ловкостью ввинтился в толпу.

Ирен рассеянно обвела взглядом огромную залу и собравшихся в ней гостей, задержавшись на одном из них. Наверху парадной лестницы стоял человек, которого она знала — как знают все друг

друга в этом обществе. Богач, коллекционер, мужчина поразительной красоты, мистер Дориан Грей, единственный, кто мог бы позволить себе проигнорировать приглашение леди Аскот, будь его на то желание, и чье присутствие добавляло приему еще больше блеска. Ирен отметила про себя, что он совершенно не изменился с последней встречи, случившейся, кажется, два года назад. Два года — небольшой срок, особенно для джентльмена, заботящегося о своем здоровье, но это совершенство слегка пугало...

Из-под ее локтя вынырнула рука, блеснула бриллиантом в перстне, тонкие бледные пальцы с ухоженными ногтями обхватили ножку бокала. Ирен повернула голову.

— Нижайше прошу простить меня за манеры, — сказал гость леди Аскот, бледный юноша с алыми губами. — Могу ли я предложить вам... — И он протянул Ирен бокал, чуть оттопырив мизинец с красующимся на нем перстнем.

— Благодарю, — кивнула она, пользуясь возможностью рассмотреть незнакомца. Длинные прямые волосы на самом деле были не золотистыми, как ей показалось вначале, а платиновыми, и, когда юноша на миг обернулся, Ирен отметила, что они почти достигают талии. Это не было в моде в Лондоне, да, пожалуй, и нигде, и вряд ли кто-то еще среди здешних гостей мог позволить себе подобную прическу... и почти варварски роскошный наряд, который на любом другом смотрелся бы вульгарно, но удивительно подходил юноше. На тонком одухотворенном лице не было ни морщинок, ни родинок, вероят-